

УДК 343.3/7
DOI 10.52452/19931778_2022_5_64

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ В СВЯЗИ С УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМОЙ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА АКТ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

© 2022 г.

М.А. Воднева

БИП–Университет права и социально-информационных технологий, Минск, Беларусь

mari.vodneva@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.05.2022

Цель настоящей статьи – формулирование нормы, устанавливающей ответственность за акт международного терроризма, с высоким потенциалом справедливости. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный и логико-семантический методы. В качестве вывода данного теоретического исследования предлагается формулировка состава акта международного терроризма, которая исключала бы отступление от уголовно-правового принципа справедливости.

Ключевые слова: акт международного терроризма, справедливость, квалификация, криминообразующие признаки.

В условиях либерального развития государства на всех уровнях сохраняет актуальность вопрос о наличии критерия для оценки оправданности существования социально-политических институтов и структур, в пределах которых протекает жизнь людей, а также нормативно-правовых предписаний, представляющих собой указания к поведению каждого отдельного человека внутри социума. Сегодня главным критерием, с которым должна соизмеряться правовая материя, выступает система морально-этических ориентаций общества, объединенных понятием «справедливость». В уголовно-правовой сфере реализация справедливости нередко остается на втором плане, что в последующем негативно сказывается на юридической практике в целом (приводит к внесению изменений в законодательство, изменению и отменам решений правоохранительных органов и судов и др.). Одной из причин этого выступает ограниченность применения законодателем уголовно-правовых запретов за совершение отдельных общественно опасных деяний. Фиксация проблемной ситуации применительно к норме, устанавливающей уголовную ответственность за акт международного терроризма (ст. 361 УК РФ), сводится к тому, что по ней уголовно наказуемо весьма специфическое деяние, которое жестко привязано к месту совершения преступления, направлено исключительно против интересов России и ее граждан и имеет слишком расплывчатые цели.

Одно из современных научных определений этики позволяет рассматривать справедливость

как «представление о должном, нравственно санкционированном порядке взаимоотношения между членами общества, который задан соразмерностью выгод и потерь, преимуществ и тягот совместной жизни на основе прав, выражающих равное нравственное достоинство каждого человека, обязанностей, определяющих степень участия индивидов в поддержании общественной кооперации, а также качества совершаемых ими поступков, которое создает принцип дифференциации прав и обязанностей» [1, с. 69]. В уголовно-правовую область справедливость вошла под видом того общего ценностного знаменателя, который позволяет судить, какие именно деяния индивида способны расшатать несущие конструкции социума, и далее обосновать существование уголовно-правовых запретов с тем, чтобы под угрозой применения суровых санкций к виновному лицу не допустить деструктивных изменений социальных и политических отношений.

Уголовный закон интерпретирует справедливость в качестве принципа, который сводится к следующему: наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного; никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление (ст. 6 УК РФ). Учитывая, что самой естественной и самой распространенной формой реализации уголовной ответственности является наказание, прин-

цип справедливости находит отражение в одной из его целей – восстановления социальной справедливости (ч. 2 ст. 43 УК РФ) и далее получает развитие в норме об общих началах назначения наказания судом (ст. 60 УК РФ). В ч. 1 ст. 60 УК РФ законодатель предписывает назначать лицу, признанному виновным в совершении преступления, справедливое наказание, т.е. в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ и с учетом положений Общей части УК, а также ориентирует суд на менее жесткие вердикты из числа предусмотренных за совершенное преступление. В ч. 3 ст. 60 УК РФ судам указано на необходимость учитывать обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи.

Для более глубокого осмысления роли справедливости в деле создания, применения и совершенствования уголовно-правовых норм она требует более полного и вдумчивого толкования, которое будет значительно шире приведенных законодательных формулировок. В условиях ограниченного объема настоящей работы мы лишь констатируем следующие положения, к которым пришли, ознакомившись с научными исследованиями, затрагивающими нравственно-этическую категорию «справедливость» в правовой сфере, и обзрев научно-публицистический материал по вопросам ее соблюдения.

Первое. Справедливость в уголовном праве способна реализоваться на основании нормы права, в которой законодателем определяется нормативное пространство для отыскания справедливого решения по конкретной ситуации (делу). При этом мы не склонны абсолютизировать роль лиц, уполномоченных осуществлять правосудие, в деле защиты социальных ценностей и искать проявления справедливости лишь в правоприменительных решениях. Справедливое судебное решение, как и любой другой правоприменительный акт, основывается на фундаменте справедливого закона. Только в ходе правотворческой деятельности справедливость получает свойство нормативности, в иных случаях она остается лишь нравственным и моральным императивом общечеловеческого характера. В свою очередь, справедливость при установлении уголовно-правового запрета и санкции за его нарушение будет иметь место в том случае, если их содержание совпадет с реально существующими индивидуальными и коллективными представлениями о том, какое именно поведение является надлежащим или, напротив, недопустимо в данном социальном контексте.

Второе. Восстановление социальной справедливости – задача гораздо более широкая, чем одноименная цель уголовного наказания, несоизмеримая ни с одной из мер государственного принуждения, назначаемых судом: для ее реализации требуется куда более обширная гамма как уголовно-правовых, так и иных средств. Нельзя игнорировать то обстоятельство, что восстановление справедливости должно осуществляться вне зависимости от того, реализуется ли уголовная ответственность в осуждении с применением наказания или без его применения. Осуществление принципа справедливости, как он представлен в ст. 43 УК РФ, дает возможность добиться более полного соответствия между тяжестью преступления, данными о личности, степени вины и примененной к виновному мерой государственного принуждения, назначаемой по приговору суда. Это верная, но неприемлемо узкая трактовка принципа справедливости для уголовного права (законодательства). Правомерно утверждать, что справедливость в уголовном праве – критерий, посредством которого определяется не только традиционно карательная (осуждение с применением (исполнением) назначенного судом наказания, когда лицо, совершившее преступление, обязано отчитаться в содеянном, подвергнуться осуждению, порицанию и мере государственного принуждения в форме наказания, а также претерпеть специфическое правовое последствие в виде судимости), но также и все иные формы реализации уголовной ответственности. Из указанных соображений, уголовный закон должен устанавливать цели уголовной ответственности, а не наказания, и находить отражение в следующей формуле: «Уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости».

Третье. Обозначенный в ст. 6 УК РФ принцип справедливости, будучи адресован и к законодателю, и к лицам, участвующим в осуществлении правосудия, требует от них (соответственно) при формулировании уголовно-правового запрета и вынесении решения по уголовному делу учитывать нравственные представления о добре и зле, о гранях преступного и непроступного, а также уровень человеческой свободы в демократическом правовом обществе и государстве. Восстановление социальной справедливости посредством привлечения к уголовной ответственности возможно лишь с учетом моральных оценок, этических обоснований, баланса интересов участников общественных отношений. Одной из задач правового государства является обеспечение справедливого, быстрого и эффективного восста-

новления нарушенного права и возмещение причиненного вреда.

Четвертое. Ответственность за теракт в общественном сознании возлагается не только на тех, кто осуществляет убийство или угрожает его совершением (террористы и их среда), но и на широкий круг представителей власти и силовых структур, допустивших неизвинительные бездействие и упущения. В данном случае возложение ответственности на власть – это не особенность оценки российской действительности в целом, а специфика восприятия терактов, когда государство действительно обязано обеспечить адекватную законную компенсацию причиненного имущественного, физического и морального вреда, поскольку потерпевший оказался невольным и внезапно вовлеченным в трехсторонний конфликт «террорист–индивидуум–государство».

С учетом изложенного, гипотеза о содержании нормы, предписывающей уголовную ответственность за акт международного терроризма, в контексте соблюдения справедливости, формулируется следующим образом: уголовное преследование за акт международного терроризма должно осуществляться и внутри, и за пределами собственной территории путем распространения жесткого санкционного режима на любых акторов, совершивших теракт не только против интересов России или страны пребывания, но и третьего государства.

Для нас очевидно, что ограничение места совершения акта международного терроризма территорией какого-либо государства неприемлемо. При наличии такого конститутивного признака применение в пространстве нормы, предписывающей ответственность за акт международного терроризма, весьма ограничено и сопряжено с немалыми сложностями. Как верно отметил К. Цай, звонок по телефону в Министерство обороны РФ с угрозой совершить взрыв на Красной площади, если этот звонок совершен из судна, находящегося в открытом море, приобретает статус международного, а если судно успело войти в российские территориальные воды – теряет его [2, с. 225].

Помимо места совершения преступления существует еще один недостаток описания в диспозиции объективной стороны состава преступления, требующий своего разрешения в теории с точки зрения соблюдения принципа справедливости, и связан он с объектом преступления. Из существующей в УК РФ формулировки объективных признаков акта международного терроризма следует, что данная норма защищает исключительно жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность граждан Российской Феде-

рации. То есть получается, что, если террорист совершенным вне пределов территории России взрывом уничтожит, например, личный самолет гражданина России, данный акт нельзя расценить как подпадающий под действие ст. 361 УК РФ [2, с. 225]. Помимо иных правоохраняемых прав и интересов российских граждан из сферы действия ст. 361 УК РФ полностью выпадают интересы международного сообщества, иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории России, которые имеют достаточно устойчивую правовую связь с нашим государством, а равно зарегистрированных на территории России юридических лиц различных форм собственности. Подобное описание в ст. 361 УК РФ объекта преступления исключает возможность привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние, содержащее все признаки состава акта международного терроризма, но не затронувшее интересы России или ее граждан. Показателен еще один пример, приведенный К. Цаем: если российский гражданин «в целях нарушения мирного существования государства» взорвет Белый дом и вернется на родину, то привлечь его к ответственности по ст. 361 УК РФ будет невозможно [2, с. 225]. Сложная ситуация возникает и в том случае, если в результате совершения теракта смерть причинена двум и более лицам, один из которых является гражданином РФ, а другой – нет. Кроме того, на сегодняшний день невозможно дать правовую оценку в рамках ст. 361 УК РФ тем случаям, когда объективная сторона акта международного терроризма направлена на интересы другого государства. Так, по ст. 361 УК РФ нельзя преследовать и наказать граждан России, которые за ее пределами принимали (принимают) активное участие в терактах, направленных как против интересов иностранных граждан, так и против законных интересов суверенных государств на неподконтрольных этим государствам территориях (к примеру, граждан-добровольцев России, выступающих на стороне вооруженных сил Украины и совершивших преступные действия против ЛНР и ДНР, а также против интересов их граждан; на стороне запрещенного в России ИГИЛ против поддерживаемого Россией правительства Сирии). Полагаем, что действия данных лиц не должны оставаться без реагирования правоохранительных органов России, при наличии достаточных оснований полагать, что они не преследуются и не подвергаются наказанию по закону государства, на территории которого они находятся либо на территории которого совершили преступление. То есть российские граждане, совершившие теракт при описанных в

данных примерах обстоятельствах, не несут повышенную уголовную ответственность по ст. 361 УК РФ, а значит, становятся в более привилегированное положение, как если бы их деяние не ограничивалось направленностью на интересы России и весьма узкий круг интересов российских граждан (жизнь, здоровье, свобода, неприкосновенность).

Судить о данной норме как замысленной главным образом для самозащиты и защиты своих граждан от преступных посягательств, совершенных вне территории России, позволяет и описание цели преступления, которая признана российским законодателем криминообразующим признаком при конструировании основного состава преступления (ч. 1 ст. 361 УК РФ). В настоящее время для обозначения цели в диспозиции указанной нормы законодатель использует два понятия – нарушение мирного сосуществования государств и народов и причинение вреда интересам Российской Федерации. Мы, однако, убеждены, что специфической чертой акта международного терроризма, которой в значительной мере обусловлена разработка оптимальной формы уголовно-правового реагирования, выступает наличие у террористов притязаний на обладание властью, адресованных субъектам политического процесса (государствам, союзам государств, нациям, классам, политическим партиям, элитам, лидерам и т.д.). Представляется, что при законодательном описании субъективной стороны акта международного терроризма, во-первых, надлежит учитывать наличие у субъекта преступления властных устремлений, вступающих в конфликт с правилами существования, функционирования и самосохранения иного государства, группы государств, народов, международной организации [3, с. 15], во-вторых, не ограничивать цель преступления нарушением национальных интересов России, посягательством на жизнь и здоровье исключительно российских граждан за рубежом. Именно присутствие в деянии обозначенного нами субъективного признака позволяет признать за ним повышенную общественную опасность по сравнению с иными террористическими акциями и, следовательно, применить более суровые правоограничения материально-го и нематериального характера.

С позиции сторонников того, что ст. 361 УК РФ выступает нормативным излишеством, названные проблемы могут показаться надуманными. Признаем, что исключительной практической потребности в квалификации содеянного по ст. 361 УК РФ не будет, если уголовный закон страны, чьи интересы затронуты преступлением, содержит норму об ответственности за

аналогичное (аутентичное) преступление (УК Республики Беларусь, УК Республики Армения). Однако следует учесть, что не все государства в силу неравного политического и экономического веса, идеологических или религиозных постулатов, уровня правовой культуры, подходов к управлению государством, интерпретации актуальных проблем современности являются равноправными партнерами в вопросах противодействия международному терроризму. Интересы государств в аспекте борьбы с международной террористической деятельностью не всегда одинаковы: не исключено, что отдельное государство не способно или не желает принимать меры для ее пресечения и не рассматривает привлечение к уголовной ответственности за акт международного терроризма как необходимую одностороннюю принудительную меру борьбы с нею. Налицо также отсутствие единообразия при закреплении в национальных законодательствах уголовной ответственности физических лиц за разнообразные формы международной террористической деятельности (создание и руководство международной террористической организацией, финансирование и непосредственное исполнение террористических актов и т.д.). Следовательно, не исключена ситуация, когда, в силу внутрисубъективных различий в составах преступлений и санкциях за их совершение, выгоднее быть осужденным за акт международного терроризма на территории одной страны, нежели другой.

По мнению Е.Ю. Антоновой, в случае если в процессе акта международного терроризма страдают наряду с гражданами России и иностранные граждане или лица без гражданства, содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 361 и 205 УК РФ. В случае совершения деяний, описанных в диспозиции ст. 361 УК РФ, на территории Российской Федерации содеянное также будет квалифицироваться по ст. 205 УК РФ [4, с. 49]. На первый взгляд, наличие у акта международного терроризма своих «уникальных» признаков (более широкие, по сравнению с террористическим актом, специальные цели, ограничение по территории, наличие дополнительного объекта) формально позволяет охарактеризовать составы преступлений, предусмотренных ст. 205 и ст. 361 УК РФ, как смежные, а значит, вменять их по совокупности. Мы, однако, полагаем, что вывод о вменении норм, устанавливающих ответственность за террористический акт и акт терроризма, по совокупности есть не что иное, как допущение двойной ответственности за одно преступление, следовательно, является недопустимым с точки зрения со-

блюдения принципа справедливости. «Вынужденная» квалификация содеянного по ст. 205 УК РФ вместо ст. 361 УК РФ также представляется нам ошибочным подходом, т.к. задача правоприменителя при квалификации деяния – выбрать из нескольких не противоречащих друг другу норм ту, которая характеризуется наиболее полным и строгим содержанием.

Проведя анализ санкций статей, предписывающих ответственность за акт международного терроризма и террористический акт, заметим, что в отдельных случаях правоприменительные решения, заключенные в квалификации деяния по ст. 205 УК РФ вместо ст. 361 УК РФ, приведут к назначению наказания в одних и тех же пределах. Так, минимальные пороги санкций в ч. 3 ст. 205 УК РФ и ч. 3 ст. 361 УК РФ одинаковы; максимальные пороги наказания также в обоих случаях установил на уровне пожизненного лишения свободы и предусмотрел идентичные дополнительные наказания. Также следует отметить, что Федеральный закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» запретил применение сроков давности к лицам, совершившим террористические преступления (террористический акт, содействие террористической деятельности, захват заложника и т.д.) [5]. Поправки в УК РФ запрещают назначать таким лицам более мягкое наказание, чем предусмотрено за соответствующее преступление (ст. 64 УК РФ), а также предоставлять им отсрочку от отбывания наказания в связи с беременностью или наличием ребенка (ст. 82 УК РФ). Максимальный срок лишения свободы, который может быть назначен за совершение хотя бы одного из террористических преступлений (в т.ч. предусмотренных ст. 205 и ст. 361 УК РФ), составляет 30 лет – по совокупности преступлений и 35 лет – по совокупности приговоров. При этом для всех иных преступлений максимальный срок лишения свободы составляет по совокупности преступлений 25 лет, по совокупности приговоров – 30 лет. Подобное решение законодателя, несомненно, исключает ослабление уголовной ответственности в случае квалификации деяния по ст. 205 вместо ст. 361 УК РФ. Вместе с тем существует ряд аргументов в пользу того, что квалификация акта международного терроризма по другой норме (их совокупности) не способствует требованию о соблюдении справедливости в правоприменительной оценке различных по степени общественной опасности преступлений.

Первое. Учитывая то содержание террористического акта, которое вложил в него российский законодатель, при квалификации необхо-

димо установить, какой целью характеризуется субъективная сторона деяния. В качестве последней могут выступать альтернативно дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений. Пленумом Верховного Суда РФ обращено внимание судов на то, что названные цели являются обязательным признаком террористического акта [6]. Соответственно, их отсутствие или неустановление исключает привлечение лица к уголовной ответственности по ст. 205 УК РФ. Но в таком случае лица, привлеченные к уголовной ответственности по иным правовым основаниям, могут рассчитывать на освобождение от уголовной ответственности только из-за того, что со дня преступления прошло много лет.

Второе. Статья 205 УК РФ, в отличие от ст. 361 УК РФ, содержит примечание, которое предусматривает обязательные условия освобождения от уголовной ответственности лица, участвовавшего в подготовке террористического акта, – если оно способствовало предотвращению акта терроризма своевременным предупреждением органов власти или иным способом и если в его действиях не содержится иного состава преступления. Способствование предотвращению преступления, выражающееся в своевременном предупреждении органов власти (когда они имеют реальную возможность принять меры к предотвращению акта терроризма), предполагает избавление лица, в отношении которого имеются бесспорные основания для привлечения к уголовной ответственности, от режима принудительной подконтрольности уголовно-исполнительным органам, обязанности, вытекающей из сопутствующего законодательства, минимизировать последствия террористического акта для физических и юридических лиц, которым был причинен вред [7], деформации правового и социального статуса. Даже при неудачной попытке предотвращения террористического акта, если лицо совершило все необходимые в данной конкретной обстановке действия, но по причинам, от него не зависящим, предотвратить его не удалось, на данное лицо должно распространяться действие примечания к ст. 205 УК РФ. Полагаем это неприемлемым в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние с явными признаками акта международного терроризма.

Третье. Содержание наказания за основные составы террористического акта и акта международного терроризма существенно различаются. Отсюда наказание, применяемое к виновному в пределах санкции ч. 1 ст. 205 УК РФ вместо ч. 1 ст. 361, не соответствует характеру и степени

общественной опасности деяния, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Закключаем, что квалификация части действий, являющихся по своей сути актом международного терроризма, по норме, предусматривающей ответственность за «внутренний» террористический акт, а равно привлечение лица к уголовной ответственности в большинстве случаев неизбежно ведет к назначению несправедливого наказания. По этой причине для нас очевидна необходимость уточнения законодательного определения акта международного терроризма. Российский специалист в области уголовного права А.Г. Волеводз, исследуя проблемы международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства по уголовным делам о терроризме, предлагает уголовно-правовую норму об ответственности за акт международного терроризма наполнить следующим смыслом: «совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205, 205-1, 205-2, 205-3, 205-4, 205-5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 настоящего Кодекса, на территории более чем одного государства или наносящего значительный материальный ущерб интересам более чем одного государства, либо гражданами одного государства (лицами без гражданства, постоянно проживающими на его территории) в отношении граждан другого государства или на территории другого государства, либо если лицо, совершившее одно из названных преступлений, и потерпевший являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами этих государств» [9, с. 134]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в предложенном законодательном определении акт международного терроризма не локализован в пространстве, поэтому предложенную формулировку можно взять за основу для последующей оптимизации уголовно-правовой нормы. Вместе с тем не учтены все существенные, по нашему мнению, свойства, формирующие особую общественную опасность рассматриваемого деяния. В частности, А.Г. Волеводз полностью отказывается от описания в диспозиции нормы универсально-значимых ценностей, на которые совершается посягательство (мир, безопасность человечества, международный правопорядок), равно как и специальной цели, которые в главной степени обуславливают криминализацию акта международного терроризма и имеют ключевое значение для квалификации деяния по ст. 361 УК РФ.

Профессор М.Д. Давитадзе предлагает статью 361 УК РФ изложить в следующей редакции: «1. Совершение вне пределов территории

Российской Федерации взрыва, поджога или иных действий, подвергающих опасности жизнь, здоровье, свободу или неприкосновенность как граждан Российской Федерации, так и иностранных граждан и лиц без гражданства, в целях нарушения мирного сосуществования государств и народов либо направленных против общепризнанных прав и законных интересов Российской Федерации и других суверенных государств, а также угроза совершения указанных действий, – наказывается ..... 2. Те же деяния, совершенные: а) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; б) лицом с использованием своего служебного положения, – наказываются.... 3. Участие или совершение акта международного терроризма в составе вооруженных формирований, не предусмотренных законодательством иностранного государства, — наказываются... 4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, если они: а) сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ, либо на объекты транспортной коммуникации, электростанции; б) сопряжены с посягательством на объекты социального и гуманитарного назначения; в) сопряжены с финансированием акта международного терроризма или вовлечением лица в совершение акта международного терроризма; г) сопряжены с обучением и вооружением лица, совершившего акт международного терроризма; д) повлекли по неосторожности смерть человека, причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий, – наказываются...» [10, с. 126–127].

Редакция, представленная М.Д. Давитадзе, видится нам более корректной – здесь увеличивается число адресатов (граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства) и социальных ценностей (мирное сосуществование государств и народов, общепризнанные права и законные интересы Российской Федерации и других суверенных государств), на которые направлен акт международного терроризма. Помимо этого, в ст. 3 представлена формулировка особо квалифицированного состава акта международного терроризма – совершение описанных в ч. 1 ст. 361 УК РФ действий физическим лицом, связанным с некой преступной структурой (структурами), заранее созданной для осуществления террористической деятельности.

Однако мы не согласимся с ограничением объекта преступления исключительно жизнью, здоровьем, свободой или неприкосновенностью людей (хотя эти социальные ценности являются абсолютными). Важно также, чтобы ответственность за это преступление в УК РФ была установлена не только по территориальному признаку – как за преступление, совершенное на территории иностранного государства (вне территории России) и/или против интересов отдельно взятого государства. Невозможно исключить ситуации, когда террористические акты, совершенные на территории России, содержат так называемый иностранный элемент и являются единичными проявлениями международной террористической деятельности (участие в совершении теракта иностранного гражданина, либо лица без гражданства, либо лица, входящего в состав международной террористической организации; причинение ущерба интересам более чем одного государства; совершение теракта за пределами территории государств, гражданами которых являются террорист и его жертва; финансирование теракта из-за рубежа; наличие у террористов в качестве основной цели правильного, по их мнению, распределения и коррекции власти в пределах одной или нескольких национальных территорий). Ответственность за акт международного терроризма не должна иметь узкоизбирательный характер объекта, а подлежит реализации одинаково в отношении любого лица, совершившего преступления, охватывающие ч. 1, 2 и 3 ст. 361 УК РФ, как за рубежом, так и на территории России, направленные не только против отдельных интересов граждан и национальных интересов Российской Федерации, но и против законных интересов иностранных граждан, лиц без гражданства или суверенных государств, при условии, что такие преступления явно свидетельствуют об отрицании альтернативного отношения к способам существования, традициям, интересам и духовности другого государства (групп государств, народов). В ходе разработки оптимального законодательного определения акта международного терроризма надлежит подчеркнуть не только его «иностранность» составляющие и нацеленность на интересы основ общественной безопасности в двух и более государствах, но также на подрыв человеческой цивилизации, мира и сотрудничества на земле, международного правопорядка и дружественных отношений между государствами.

Ознакомившись с мнениями специалистов по вопросу формулирования уголовно-правового запрета на совершение акта международного терроризма, приходим к следующим выводам.

В существующей редакции применение нормы, устанавливающей уголовную ответственность за акт международного терроризма, лишь частично ведет к реализации принципа справедливости. Ограниченность применения нормы об ответственности за акт международного терроризма вынуждает правоприменителя квалифицировать действия, являющиеся по своей сути актом международного терроризма, по норме, предусматривающей ответственность за внутренний террористический акт (ст. 205 УК РФ), что может привести к назначению несправедливого наказания и, соответственно, к отступлению от принципа справедливости. Полагаем поэтому, что основанием для возникновения уголовной ответственности за акт международного терроризма не должно служить место совершения преступления и сосредоточение на самозащите или защите собственных граждан.

Уголовную ответственность по ст. 361 УК РФ надлежит предписать за совершение любым физическим лицом (гражданином Российской Федерации, иностранным гражданином, лицом без гражданства), независимо от места (на территории государства его гражданской принадлежности, иностранного государства либо на территории дипломатического представительства, консульского учреждения иностранного государства), взрыва, поджога или иного деяния, создающего опасность гибели человека, причинения телесных повреждений или иного вреда здоровью, нанесения существенного ущерба имуществу или окружающей среде либо наступления иных тяжких последствий в целях осложнения международных отношений, либо провокации войны или вооруженного конфликта, либо дестабилизации общественно-политической обстановки в иностранном государстве, либо привлечения внимания международного сообщества к определенным политическим, религиозным или другим взглядам лица, а также угрозы совершения указанных действий в тех же целях.

Включение предложенной нами формулировки состава акта международного терроризма в уголовный закон будет способствовать: во-первых, расширению субъектного состава лиц, в отношении которых были совершены противоправные действия, описанные в ст. 361 УК РФ, независимо от их гражданской принадлежности, и, соответственно, имеющих право на восстановление материального, физического, психического и морального благополучия; во-вторых, расширению субъектного состава лиц, виновных в совершении особо тяжких преступлений против мира и безопасности человечества, на которых государство во властно-принудительной форме обоснованно сможет возложить обязан-

ность претерпеть максимально суровые правоограничения материального и нематериального характера; в-третьих, недопущению безнаказанности террористов, использующих для ухода от ответственности несогласованность норм национальных законодательств, и созданию атмосферы всеобщей нетерпимости к проявлениям международного терроризма.

Список литературы

1. Барсук И.А., Свирид А.С. Социальная справедливость как фундаментальная константа белорусской государственности: философско-исторический анализ // *Философия и социальные науки*. 2014. № 2.
2. Цай К.А. Уголовно-правовая юрисдикция: теоретические вопросы действия уголовного закона в пространстве. М., 2017.
3. Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия: уголовно-правовое и криминологическое исследование: Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.
4. Антонова Е.Ю. Акт международного терроризма: уголовно-правовой анализ // *Вестник Дальнево-*

сточного юридического института МВД России. 2017. № 2(39).

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499093529> (дата обращения: 08.05.2022).
6. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1. URL: <https://sudrf.cntd.ru/rospravo/document/902328541> (дата обращения: 08.05.2022).
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Т. 3: Общая часть / Отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2019.
8. О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901970787> (дата обращения: 08.05.2022).
9. Волеводз А.Г. Криминализация международного терроризма в уголовном праве // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2014. № 2.
10. Давитадзе М.Д. Уголовная ответственность за акт международного терроризма // *Вестник Московского университета МВД России*. 2017. № 5.

PRINCIPLE OF JUSTNESS IN CONNECTION WITH CRIMINAL LAW STANDARD PROHIBITING ACT OF INTERNATIONAL TERRORISM: AREAS OF CONCERN

M.A. Vodneva

The paper is aimed at formulating a criminal rule establishing liability for the act of international terrorism with a high potential for justice. The methodology employed in the paper includes formal, system, logical-semantic techniques. The present theoretical study brings about improvement in legally defined act of international terrorism. That will exclude deviation from the criminal law principle of justice.

Keywords: act of international terrorism, justice, qualification, constituent element of offence.

References

1. Barsuk I.A., Svirid A.S. Social justice as a fundamental constant of the Belarusian statehood: philosophical and historical analysis // *Philosophy and Social Sciences*. 2014. № 2.
2. Tsai K.A. Criminal law jurisdiction: theoretical issues of the operation of criminal law in space. M., 2017.
3. Dikaev S.U. Terrorism: phenomenon, conditionality and counteraction measures: criminal law and criminological research: Dissertation of the Doctor of Law. SPb., 2004.
4. Antonova E.Yu. The act of international terrorism: criminal law analysis // *Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. № 2(39).
5. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law № 130-FL of 05.05.2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499093529>

(Date of access: 08.05.2022).

6. On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09.02.2012 № 1. URL: <https://sudrf.cntd.ru/rospravo/document/902328541> (Date of access: 08.05.2022).
7. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 vol. t. 3: General part / Rel. ed. V.M. Lebedev. M., 2019.
8. On countering terrorism: Federal Law No. 35-FL of 06.03.2006. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901970787> (Date of access: 08.05.2022).
9. Volevodz A.G. Criminalization of international terrorism in criminal law // *International criminal law and international justice*. 2014. № 2.
10. Davitadze M.D. Criminal responsibility for an act of international terrorism // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. № 5.